

КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ БОРЬБА С ПОЗИЦИЙ ТЕРРИТОРИАЛЬНО- ПРОСТРАНСТВЕННОГО ПОДХОДА

ЕЛИЗАВЕТА ГРОМОГЛАСОВА

Институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова, Москва, Россия

Резюме

В статье проанализированы возможности применения территориально-пространственного подхода к изучению террористической угрозы. Зависимость терроризма как вида политического насилия от конкретных территорий до сих пор остаётся предметом исследовательского внимания. Наряду с существующими классификациями терроризма, в основу которых положены идеологические и организационные критерии, возможно создание типологии террористических угроз с точки зрения их соотносённости с территориальным и пространственным контекстом, в котором они развиваются. В статье на обширном историческом материале показано, что по критерию территориальности всегда различались группировки, которые фактически не зависели от территориальных ресурсов и обладали высокой степенью автономии по отношению к окружающим их социальным пространствам, и те террористические организации, которые получали подпитку из неуправляемых, охваченных войнами, конфликтных зон либо из государств-спонсоров терроризма. Способность террористов к максимально гибкому использованию территориальных и пространственных ресурсов обусловила возникновение и развитие многообразных моделей противодействия им. Эти контртеррористические практики, в свою очередь, влияют на политические пространства (национальные, региональные и даже – глобальное), в которых они осуществляются. В статье проанализированы особенности постепенно формирующегося глобально-контртеррористического режима, которые связаны с универсальными (экстерриториальными) формами наблюдения, дистанционного контроля и проникновения в частные и «оппозиционные» социальные пространства. Сделан вывод о перспективности дальнейшего развития территориально-пространственной методологии, включая построение сетевых моделей, анализ террористических угроз. В свою очередь, анализ практики противодействия терроризму и борьбы с ним в тех же категориях способен обогатить различные направления в изучении контртерроризма, в том числе и критическое.

Ключевые слова:

терроризм; противодействие терроризму; война с терроризмом; пространственный подход; политическое пространство; военная сила; Совет Безопасности ООН; иностранные боевики-террористы.

Одной из заметных тенденций в отечественных исследованиях международных отношений 2000-х – 2010-х годов стал рост внимания к категории «политическое пространство» [Косолапов 2005, 2007; Транснациональные политические пространст-

ва: явление и практика, 2011; Воскресенский 2013; Стрежнева 2014; Прохоренко 2015, 2016]. Несмотря на то что она зарекомендовала себя как полезный инструмент анализа сложных явлений современной мирополитической действитель-

ности, её относительно редко использовали при изучении ситуаций, характеризующихся высоким уровнем политического насилия в различных его формах. Даже если возможности пространственной методологии задействовались при изучении динамики современных конфликтов [Прохоренко 2016], к осмыслению нетрадиционных угроз безопасности они не прилагались.

Н.А. Косолапов отмечает, что понятие «пространство» характеризует «социальную реальность, наложенную на территорию» [Косолапов, 2007]. Он подчёркивает, что «пространством в строгом смысле слова следует считать только ту часть организационной “надстройки” над территорией, в которой конкретные пространственные формы и отношения не просто присутствуют, но утвердились на повседневной основе» и выводит из этого, что «пространственное видение мира востребует объединение в рамках общей теории всех форм реальной организации, включая как легитимные с позиций идеологии, психологии, реальной веры всех социальных групп, так и нелегитимные по любым критериям» [Косолапов, 2007].

В этой связи пространственный подход применим к ситуациям, где нет легитимной власти и человеческая жизнь ничем не защищена. Хотя подобные «чрезвычайные пространства» возникают прежде всего в зонах вооружённых конфликтов, терроризм также может быть проанализирован в русле пространственной методологии. С одной стороны, любой теракт локализует пространство предельного насилия, в котором сконцентрирован весь ужас «естественного состояния». С другой – можно исследовать связь терроризма как разновидности политического насилия с конкретными территориями и социальными пространствами, выявлять зависимость субъектов

террористической деятельности от этих пространств. Равным образом противодействие терроризму может быть осмыслено как феномен, который имеет не только территориальную локализацию, но и сложным образом связан с социальными пространствами. В настоящей статье на обширном историческом материале предпринимается попытка обосновать применимость пространственного подхода к анализу терроризма и противодействия ему.

Пространственный подход может быть использован для анализа связи терроризма с конкретными территориями. Одна из точек зрения на «территориальность» терроризма сфокусирована на охваченных конфликтами, слабых и несостоявшихся государствах [Kittner 2007; Korteweg 2008]. В подобных случаях террористические методы используются вооружёнными неправительственными группировками наряду с другими формами асимметричной борьбы [Merari 1993]. Согласно другому подходу [Sanchez-Cuenca, De la Calle 2009; Nesser, Stenersen 2014], терроризм имеет место там, где группы, вставшие на путь вооружённой борьбы, не контролируют никакой территории (например, в стабильных демократических государствах). Как показывают исследования [Bahgat, Medina 2013; Simons, Tucker 2007], террористы, сталкиваясь с сильным правительством, способны достичь только частичной автономии и зависят от «социальной географии», то есть от населения, которое либо их укрывает, либо позволяет им сохранить анонимность и найти убежище в старых небольших промышленных городах или пригородах [Savitch 2007]. Как раз в «социальной географии» проявляется не столько территориальное, сколько пространственное, наполненное социальными отношениями и связями, измерение терроризма¹.

¹ Если исследовать терроризм с точки зрения «социальных пространств», в которых оказывается возможной подготовка теракта, то террористические акты одиночек стоит отнести к наиболее опасным его формам. По той причине, что подобные теракты могут быть осуществлены при большой степени автономии от социального окружения террориста. Эта автономия может выражаться не только в отсутствии подозрительной активности в виртуальных пространствах Интернета, но и в использовании в качестве оружия обыкновенных средств заработка (например, автомобиля). Не зависящий от территорий и пространств, терроризм одиночек является одним из наиболее трудно пресекаемых видов террористического насилия.

Поставленная в настоящей статье задача осложняется отсутствием общепризнанной дефиниции терроризма, несмотря на то, что попытки определения этого понятия предпринимались в работах ряда отечественных и зарубежных авторов [Степанова 2010; Чернядьева 2011; Smelser 2010]. Некоторые из них рассматривают это явление как одну из тактик вооружённой борьбы, другие определяют как идеологию насилия, третьи подчёркивают негосударственную природу субъектов террористической деятельности и специфику их основной мишени – мирных граждан. Согласно Федеральному закону Российской Федерации, терроризм – это «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий»². Под такое определение подпадают акции вне зависимости от специфических целей, которые ставят их инициаторы. Одновременно оно указывает на коммуникационную составляющую терроризма, подчёркивая его насильственную природу, но не раскрывает характер воздействия террористической идеологии на массовую аудиторию. Между тем одной из целей терроризма выступает обретение контроля над умами людей [Smelser 2010].

В научной литературе получила распространение более нейтральная дефиниция терроризма как тактики вооружённой

борьбы [The history of terrorism: from antiquity to al Qaeda 2007: 12–55]. В её свете развивается научная дискуссия о соотношении понятий «терроризм» и «террор». Ряд исследователей различают первое явление, понимаемое «как политически мотивированную асимметричную тактику негосударственных игроков», от второго – составляющего репрессивные действия со стороны государств [Степанова 2010]. Альтернативный подход подчёркивает общность природы террора и терроризма как тактик запугивания и устрашения населения, основанных на насилии [The history of terrorism: from antiquity to al Qaeda 2007]³.

Практика противодействия терроризму также становится всё более сложным и многогранным феноменом [Алексеев 2012; Байков, 2006; Грачев, 2007, 2016; Кулагин, 2009; Чернядьева 2011], который часто выходит за рамки устоявшихся определений контртеррористической борьбы. Если отталкиваться от российского законодательства в области противодействия терроризму, то весомую его часть составляют профилактические и правоохранительные меры. Под ней понимается «деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления, а также физических и юридических лиц по: а) предупреждению терроризма, в том числе по выявлению и последующему устранению причин и условий, способствующих совершению террористических актов (профилактика терроризма); б) выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию

² Федеральный закон от 6 марта 2006 г. №35–ФЗ «О противодействии терроризму» // Российская газета. № 4014. 10.03.2006.

³ В целях более нюансированного понимания различий между террором и терроризмом представляет интерес анализ значений, в котором употреблял оба термина такой теоретик и практик революционной борьбы, как В.И. Ленин. Он многократно использовал термин «террор», определяя его как разновидность военных действий. Одновременно он проводил различие между единичным террором как «системой политических убийств» и массовым террором, под которым понимал «слияние на деле терроризма с восстанием массы». В политике устрашения Ленин конкурировал с эсерами, так, он писал Зиновьеву: «Надо поощрять энергию и массовидность террора; тормозя революционную инициативу масс, мы компрометируем себя: террористы начнут считать нас тряпками» [Ленин, 1970: 106]. Таким образом, террор – это метод закрепления власти какой-либо группы лиц, основанный на насилии и применяемый в отношении произвольно определяемой группы «врагов», в число которых может попасть любой. Важен революционный контекст, в котором совершается террор, а также его произвольная избирательность (от прямых оппонентов до значимых общественных фигур), насаждающая атмосферу страха, в которой легче обеспечивается длительная покорность населения.

террористического акта (борьба с терроризмом); в) минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма»⁴. В то же время не исключается использование вооружённых сил России для борьбы с терроризмом. Военная сила может быть применена в рамках контртеррористических операций, для которых национальным законодательством определён специальный правовой режим. Законодательство других стран также предусматривает использование вооружённых сил для противодействия террористической угрозе⁵. Если обратиться к научной дискуссии, то в ней проводится различие между использованием «жёстких» (войсковые операции, удары дронами, деятельность спецслужб) и «мягких» (снижение радикализации, содействие развитию) мер в политике противодействия терроризму [Rineheart 2010]. Одновременно развивается критический дискурс, акцентирующий внимание на фактах несоблюдения международного гуманитарного права и стандартов защиты прав человека при осуществлении контртеррористических мер [Heinz, Arend 2005].

1

На протяжении истории терроризм оставался многоликим феноменом, который по-разному соотносился с территориальным и пространственным контекстом [Daanish 2005; Elden 2009; Hobbs 2005; Terrorism: Patterns of Internationalization 2009] тех эпох, в которых он развивался. Ни

насильственные действия одиночек, ни сетевые формы взаимодействия, ни диверсионные нападения в условиях партизанской борьбы не являются новыми формами террористической деятельности. Они известны по меньшей мере на протяжении нескольких веков. Существуют различные подходы к определению момента зарождения современного терроризма, характерной чертой которого выступает выбор гражданских лиц и объектов в качестве основных мишеней. Можно вести отсчёт его истории с действий Э. Анри⁶, бросившего бомбу в парижское кафе «Терминус» 12 февраля 1894 года. Хотя он придерживался анархистских взглядов, он не принимал активного участия в подпольных радикальных группах, взявших на вооружение тактику «пропаганды действием»⁷, и был террористом-одиночкой⁸.

Тем не менее для волны анархистского терроризма, охватившей во второй половине XIX – начале XX в. такие страны, как Италия, Испания, Франция, Германия, Бельгия, Россия, США, Аргентина, более характерна деятельность групп-ячеек. Организационные формы анархистского терроризма напоминали сетевые, так как многие команды действовали автономно от остальных, а объединяющим фактором выступала общая идеология. В то же время внутри ячеек устанавливалось строгое распределение ролей и доминировал иерархический принцип организации. Анархисты готовили атаки подпольно и действовали

⁴ Федеральный закон от 6 марта 2006 г. №35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Российская газета. № 4014. 10.03.2006.

⁵ Например, Закон США 107-40 разрешает использование национальных вооружённых сил против террористов.

⁶ Такая периодизация достаточно условна, так как вдохновлённый анархистскими идеями терроризм, к которому относится и теракт Э. Анри, развивался в Европе, а затем в США со второй половины XIX в. Теракт Э. Анри отличает неизбирательность в выборе мишеней. На судебном процессе он заявил, что подрыв кафе «Терминус» был направлен против буржуазии как целого класса [The history of terrorism: from antiquity to al Qaeda 2007: 129]. Другие акции прямого действия, осуществлённые анархистами в тот же период, в большинстве своём были направлены против единичных правительственных мишеней либо были частью акций неповиновения рабочих (как в ряде эпизодов испанского анархистского терроризма).

⁷ Пропаганда действием – одна из революционных идей, выдвинутых анархистами, и предполагающая, что только акты насилия могут подвигнуть массы на открытое восстание против буржуазных правительств.

⁸ Таким образом, терроризм «волков-одиночек», которым удавалось и удаётся достичь высокой степени автономии и ничем не выдать себя в той социальной географии, которая их окружает, возник гораздо ранее 1990-х годов, с которыми принято связывать его распространение [Bates 2012].

в относительно стабильных государствах в условиях мирного времени. Модель противодействия анархистскому терроризму опиралась на примат правоохранительной деятельности. Она включала сыск, внедрение агентов в террористическое подполье, слежку и другие точечные меры по укреплению внутренней безопасности.

Как показывает опыт Российской империи, их эффективность была ограниченной. С помощью вербовки членов революционных групп и внедрения собственных агентов охранные отделения стремились взять под контроль деятельность террористического подполья и получать исчерпывающую информацию о готовящихся покушениях. Итог этого проникновения зачастую был парадоксальным: революционеры и полиция сформировали единую сеть сложных взаимных обязательств, обмена информацией, личного доверия. Как показывают примеры Е. Азефа⁹ и Д. Богрова¹⁰, вербовка членов террористических групп далеко не всегда была эффективным методом противодействия им. Между тем технические средства не позволяли полиции установить дистанционный контроль за социал-революционерами и анархистами.

Несмотря на автономность многих террористических групп как анархистского, так и социал-революционного толка, их члены обладали высокой степенью трансграничной мобильности. В частности, ряд терактов готовился за пределами Империи, а Центральный комитет партии эсеров долгое время пребывал в Женеве. Иными словами, группировки нередко демонстрировали стремление к транснационализации своей деятельности.

На рубеже XIX–XX вв. всё заметнее заявлял о себе национализм. Вместе с ростом национального самосознания у народов, входивших в состав империй (Австро-Венгерской, Российской, Османской), рождаются и новые террористические организации, территориальность которых была более чётко выраженной. В годы первой русской революции (1905–1907) были активны боевики Польской социалистической партии. Их мишенями становились генерал-губернаторы городов, офицеры и командиры полков, казаки патрули. Польские террористы имели доступ к территориальным ресурсам. Например, в Галиции у Польской социалистической партии были базы обучения боевиков.

Другим центром радикальной активности националистических группировок (сербских, македонских, а после Первой мировой войны — хорватских) стали Балканы. Формирование национальных государств в этом регионе осуществлялось в ходе войн и вследствие этого неизбежно становилось длительным, кровопролитным и незавершённым процессом, что способствовало подъёму террористической активности. В частности, для боснийских сербов (Босния и Герцеговина входила с 1908 г. в состав Австро-Венгрии) естественным центром притяжения оставалась независимая Сербия. В этих условиях радикальный национализм легко пересекал государственные границы. Террористическая организация «Млада Босна», членом которой был Гаврило Принцип, имела тесные контакты с сербским объединением «Чёрная рука». В свою очередь, македонские националисты¹¹ получали поддержку от Болгарии.

⁹ Е. Азеф долгое время руководил боевой организацией эсеров, лично подготовил убийство великого князя и генерал-губернатора Москвы Сергея Александровича в феврале 1905 года. Одновременно Азеф был агентом Охранного отделения и сдал полиции множество террористов, в том числе членов террористической группы А. Трауберга.

¹⁰ Дмитрий Богров — террорист-анархист, убивший П.А. Столыпина. Богров был осведомителем Киевского охранного отделения.

¹¹ Истоки македонского терроризма связаны с партизанскими отрядами (четами), возникшими в Македонии в ответ на турецкий террор, последовавший вслед за Берлинским конгрессом 1878 года, по итогам которого Македония осталась в составе Османской империи. В 1890-х годах в Македонии была основана Внутренняя македонская революционная организация (ВМРО), члены которой приняли активное участие в антитурецком Илинденском восстании 1903 г. После Первой мировой войны ВМРО превратилась в одну из крупнейших террористических организаций на Балканах.

В преддверии Первой мировой войны так и не было выработано устойчивой стратегии противодействия терроризму со стороны тех, кто становился его мишенями, а международное контртеррористическое сотрудничество правоохранительных ведомств практически отсутствовало.

2

После Первой мировой войны террористическая угроза существенно трансформируется. Общественное мнение, которое учитывалось уже в стратегиях анархистов и революционеров XIX века, стало играть новую роль в деятельности террористических организаций. Если прежде речь шла о пропаганде действии и возбуждении недовольства репрессивным режимом, сподобного, по расчётам террористов, перераста в революционное восстание, то после Первой мировой войны террористы (прежде всего ирландские) стремились лишиться демократической легитимности правительство, против которого направлена их борьба.

Подъём националистических террористических группировок, продолжившийся после Первой мировой войны, может быть объяснён и тем, что в новых международных условиях борьба за национальное самоопределение стала встречать большее сочувствие и поддержку. К этому времени ряд наций добились успеха в ней: распад Австро-Венгерской и Российской империй привёл к образованию новых национальных государств в Европе (Польша, Австрия, Венгрия, государств Прибалтики, Финляндии).

Для послевоенных движений, основной целью которых было установление национального суверенитета над ограниченной территорией, опыт ирландской борьбы за независимость стал образцом. В Ирландии, где террористические методы начали применяться еще во второй половине XIX века, они всё же оставались в тени военных вы-

ступлений, и в особенности Пасхального восстания 1916 года, ставшего наиболее значимым предвестником ирландской войны за независимость (1919–1921). Его основные события разворачивались в Дублине. В связи с этим оно часто рассматривается как один из первых примеров городской партизанской войны. Сразу после Пасхального восстания резко возросло число терактов Ирландской республиканской армии против британских правоохранительных структур. Несмотря на то что англичане реагировали не только с помощью военных мер, в частности укрепляли полицейский аппарат¹², контртеррористические методы, применявшиеся в регионе, фактически оказались вторичными по отношению к крупномасштабной контрповстанческой стратегии. Её основу составляли жёсткие военные меры, в некоторых случаях приближавшиеся к неизбирательному насилию в отношении мирных жителей. Такие действия способствовали потере лояльности населения Ирландии к британской короне. В итоге и контрповстанческая, и менее заметная контртеррористическая стратегии в этой стране оказались провальными. Вооружённый сепаратизм одержал верх [The Routledge History of Terrorism 2015].

Ирландский успех вдохновил на вооружённую борьбу, в том числе на использование террористических методов, другие националистические и национально-освободительные антиколониальные движения как в Европе, так и за её пределами. Например, в британской Индии наряду с ненасильственным протестом (олицетворением которого стал М. Ганди), были группировки и революционные партии, прибегавшие к «языку бомб». Индийский антиколониальный терроризм был дисперсным. Преобладающей организационной формой организации оставались отдельные ячейки, часто не имевшие связей между собой, а также обширных зон укрытия [The history

¹² Так, в 1919 г. Ч. Тегарт, опытный полицейский родом из Северной Ирландии, возглавлявший к тому моменту отдел расследований в Калькутте, был направлен в Ирландию для укрепления мер внутренней безопасности и противодействия терроризму.

of terrorism: from antiquity to al Qaeda 2007: 187–189]. Британцы отвечали на этот вызов с помощью полицейских мер, в том числе внедряя информаторов.

Таким образом, развитие терроризма не было связано с линейным переходом от одних форм организации к другим – нередко одновременно сосуществовали различные типы группировок. Так, например, на Балканах в межвоенный период террористическая угроза подпитывалась различными идеологиями, и её территориально-пространственные характеристики также сильно варьировались в зависимости от характера местных политических сил. В Болгарии коммунистическая партия и её боевая организация, имевшая разветвлённую сеть из небольших оперативных групп по всей стране, стали ответственны за один из наиболее смертоносных терактов межвоенного периода – взрыв в соборе Святой Недели в Софии 16 апреля 1925 года. В результате погибли 213 человек и порядка 500 были ранены. Болгарское правительство ответило на этот акт собственным террором: после введения военного положения начались массовые облавы на коммунистов.

Одновременно Болгария оказывала поддержку террористической македонской ВМРО. К 1930-м годам македонский терроризм, направленный против Королевства Югославии, стал одним из самых радикальных в Европе. Многие его инициаторы и исполнители «были выходцами из семей македонских беженцев, осевших в софийских трущобах» [Каплан 2017]. ВМРО представляла собой «террористическое государство в государстве», получавшее доходы от торговли опиём [Каплан 2017]. ВМРО тесно взаимодействовала с хорватскими уставами, опиравшимися на под-

держку фашистской Италии. Их наиболее значимой мишенью стал югославский король Александр I Карагеоргиевич¹³, убитый в 1934 году. Одной из ответных мер на это событие стало принятие в 1937 г. Лигой Наций первой в истории международной Конвенции о предупреждении терроризма и наказании за него, которая так и не вступила в силу.

Другой фронт борьбы с терроризмом в период между двумя мировыми войнами проходил в подмандатной Британии Палестине. В ходе арабского восстания 1936–1939 годов, принявшего форму партизанской войны в сельских местностях и терактов в городах, был предпринят целый спектр полицейских и фактически военных контрмер. В частности, были возведены бетонные крепости, 8-километровый забор вдоль границ с Ливаном и Сирией. Крепости использовались для контроля над сельским населением. Каждая деревня могла быть объявлена неблагонадёжной, и её жители подпадали под более жёсткий контроль [The Routledge History of Terrorism 2015]. Подавив восстание, британская администрация попыталась умиротворить арабское население вводом ограничений на поток еврейских беженцев из нацистской Германии и обещаниями в течение десяти лет передать управление Палестиной арабам. Эти действия привели только к новому витку насилия и терроризма уже со стороны еврейских вооружённых группировок.

Если анализировать контртеррористические практики межвоенного периода в территориально-пространственных терминах, то, с одной стороны, заметен неизбирательный силовой ответ тоталитарных государств на отдельные политически резонансные преступления¹⁴, с другой – сочетание контртеррористической и кон-

¹³ Вместе с ним в результате теракта погиб и глава МИД Франции Л. Барту.

¹⁴ Например, убийство С.М. Кирова в 1934 г. стало началом «большого террора» в СССР (1937–1938 гг.). Между тем само убийство сложно квалифицировать как теракт, так как оно могло быть совершено из личных мотивов. Терактом можно назвать покушение Г. Гриншпана на немецкого дипломата Э. фом Рата, совершенное в 1938 г. в Париже. Мотивом действий Г. Гриншпана была месть и протест против репрессий властей нацистской Германии в отношении польских евреев, к числу которых принадлежала семья Гриншпана. Ответом нацистов стала новая волна террора и «Хрустальная ночь».

трповстанческой стратегий на колониальной и подмандатной периферии международной системы.

Подъём тоталитарных государств не только снижал устойчивость и без того хрупкого Версальского порядка [Системная история международных отношений 2000], но и делал невозможной выработку эффективных международных мер в борьбе с терроризмом. Тем не менее последний в преддверии и во время Второй мировой войны фактически был поглощён более масштабными формами политического насилия.

Э

Относительно успешным примером борьбы с терроризмом в контексте партизанской войны в первые послевоенные годы стали действия Великобритании в Малайе¹⁵. Сначала борьба велась военными средствами и с помощью полицейских патрулей, опиравшихся на разведанные. Затем было решено сменить стратегию. Организовали совет, в котором военные, полицейские и гражданские чиновники работали совместно. Он выработал ряд мер по защите гражданского населения от бедствий партизанской войны и терроризма. Повстанцы лишились поддержки мирных жителей и стали массово сдаваться. Однако успех контрповстанческой операции был напрямую связан с принудительным переселением крестьян в так называемые новые деревни [The Routledge History of Terrorism 2015]. Малайский пример свидетельствует о том, насколько сложно соблюсти права

человека и эффективно противостоять неправительственным группировкам в асимметричной войне.

Большинство освободительных и революционных движений, родившихся во время или в первые десятилетия после Второй мировой войны, опирались в первую очередь на партизанские методики борьбы¹⁶. Тем не менее тактические поражения (например, провал стратегии фокизма)¹⁷ заставляли ряд из них обращаться к тактике городской герильи¹⁸, важной составляющей которой была террористическая деятельность¹⁹.

Более того, рост числа авиаперевозок в первые послевоенные десятилетия и развитие телевидения дали террористам повышенную мобильность, более уязвимые цели и глобальную аудиторию [Bremer 1987]. Террористические организации начали функционировать на международном уровне, захватывая иностранных граждан с целью привлечения внимания к своей политической борьбе. Подобным образом, например, действовал Народный фронт освобождения Палестины.

Одновременно с возникновением международного терроризма с конца 1960-х и на протяжении 1970-х годов капиталистические страны переживают волну внутреннего терроризма (Фракция Красной Армии в Германии, радикальные левые группировки в США, Красные бригады в Италии). Это явление, сошедшее на нет к началу 1990-х, также оказало влияние на развитие страновых контртеррористических моде-

¹⁵ Основные события малайской войны пришлись на 1948–1953 гг. Уход британцев из Палестины в 1948 г. непосредственно повлиял на начало малайского восстания. Он вдохновил малайских коммунистов, которые уже имели опыт вооружённого сопротивления японской оккупации, на начало партизанской и террористической войны против британской администрации.

¹⁶ Тем не менее в условиях асимметричных войн часто зарождались новые террористические группировки. Так, в период войны за независимость Алжира (1954–1962 гг.) на территории Франции, Алжира и Испании действовала Секретная вооружённая организация, боровшаяся с помощью террористических методов против предоставления независимости Алжиру. В ходе Кипрского конфликта, начавшегося в 1963 году, образовались греческие и турецкие террористические группы.

¹⁷ Теория сельского партизанского очага, разработанная Че Геварой.

¹⁸ Городская герилья – стратегия партизанской войны, разработанная бразильским революционером К. Маригеллой.

¹⁹ Городская партизанская война началась в 1968 г. в Бразилии, а вскоре и в Уругвае, и Аргентине. Одними из наиболее мощных группировок, прибегавших к тактике городской партизанской войны, были уругвайские Тупамарос. В 1970-х годах они были разгромлены в основном за счёт методов гостеррора.

лей. Большинство западноевропейских государств к концу 1970-х годов разработали собственную политику, в рамках которой придавали приоритетное значение правоприменительному подходу и криминализации всех этапов подготовки и совершения террористических актов [Hampton 2013: 117]. США также придерживались правоохранительного подхода к борьбе с ней. В его рамках в 1972 г. администрация Р. Никсона создала Комитет противодействия терроризму. В годы президентства Д. Картера вопросы противодействия терроризму стали рассматриваться Советом национальной безопасности. При этом контртеррористическая деятельность в США в 1970-х годах была осложнена нехваткой координации между различными властными уровнями (федеральным правительством и отдельными штатами) с учётом децентрализованного характера правоохранительной системы страны [Rosenau 2014].

Для борьбы с международным терроризмом, который в этот же период в основном проявлял себя в захвате заложников, многие страны создали элитные подразделения быстрого реагирования [Rineheart 2010]. Кроме того, на международном уровне был принят ряд конвенций, устанавливавших права и обязанности государств, а также уголовную юрисдикцию в отношении отдельных видов международного терроризма. Это Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов (1963), Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (1970); Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (1971)²⁰, и др.²¹

Новые взаимосвязи между террористической деятельностью и вопросами пространственного деления международной политики намечаются в 1980-х годах. С од-

ной стороны, пошёл на спад внутренний леворадикальный терроризм, характеризовавшийся отсутствием стремления к установлению территориального контроля и опорой на социальные сети, капитал межличностного доверия и идеологической сплочённости. С другой – терроризм как метод асимметричной борьбы был поглощён более масштабным повстанческим противостоянием с регулярными правительственными армиями в горячих точках на периферии биполярной системы. Это не означало, что международный терроризм уступил место традиционным формам террористического насилия, локализованным границами одного «несостоявшегося» государства. Напротив, именно в 1980-х годах зародились те процессы, которые к началу 2000-х привели к возникновению глобального терроризма, представляющего собой сложный симбиоз территориальной (привязанной к зонам вооружённых конфликтов) и сетевой (оторванной от территориального контекста) форм насилия [Соловьёв 2004; Степанова 2007, 2011, 2014б].

Одним из предвестников современного вездесущего, часто религиозно мотивированного терроризма был «антисоветский джихад» в Афганистане [Веселовский 2007; Степанова 2006]. Не секрет, что американские спецслужбы активно его поддерживали. В целом 1980-е годы характеризовались расцветом терроризма «с господдержкой» [Веселовский 2007]. Концентрируясь в конфликтных зонах, он являлся транснациональным феноменом и подпитывался косвенной (оружие, логистика, финансовые ресурсы) поддержкой США, СССР и других соцстран. Помимо «антисоветского джихада», наиболее яркими примерами спонсируемого государствами терроризма периода 1980-х годов выступали: поддержка администрацией Р. Рейгана никарагуанских «Контрас», а со стороны СССР –

²⁰ В 1988 г. к этой Конвенции был принят дополнительный Протокол о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию.

²¹ Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов (1973), Международная конвенция о борьбе с захватом заложников (1979).

леворадикальных латиноамериканских вооружённых группировок, например сальвадорского Фронта национального освобождения им. Ф. Марти. Несмотря на то что в условиях усиления соперничества двух сверхдержав многостороннее сотрудничество в ООН было практически парализовано, на протяжении 1980-х годов удалось принять ряд конвенций, усиливших защиту ядерных установок, а также безопасность морского судоходства²². На национальном уровне в этот период продолжает доминировать правоохранный подход [Law Enforcement, Counterterrorism, and Intelligence Collection in the United States Prior to 9/11 2004]. Укрепляется аналитическая составляющая противодействия терроризму. Анализируются формы рекрутинга террористов, их мотивация, способы финансирования и планирования террористических атак.

В 1990-х годах природа международного терроризма изменилась [Rineheart 2010]. Он стал приобретать черты более смертоносной и религиозно мотивированной формы вооружённого насилия. Новые радикальные группировки, такие как Хамас, начали активно использовать смертников. Кроме того, терроризм стал затрагивать государства, ранее не сталкивавшиеся с этой угрозой. В частности, более 5 тыс. человек оказались в числе жертв химической атаки в токийском метро в 1995 году, организованной экстремистской сектой Аум Синрикё.

На международном уровне произошла активизация многосторонних усилий по борьбе с терроризмом, но они не привели к принятию всеобъемлющего правового регулирования. Тем не менее были приняты конвенции по борьбе с отдельными проявлениями этой угрозы²³, а также с её финансированием²⁴. Совет Безопасности ООН в 1999 г. одобрил резолюции 1267 и 1269,

требовавшие от движения «Талибан» прекратить укрывательство террористов и заморозившие все финансовые ресурсы, подпитывавшие деятельность движения.

Идейная составляющая политики противодействия терроризму на национальных и международном уровнях в 1990-х годах не претерпела заметных подвижек. Терроризм продолжал восприниматься как криминальная угроза, а не вызов цивилизации [Law Enforcement, Counterterrorism, and Intelligence Collection in the United States Prior to 9/11 2004]. В США ФБР продолжала играть лидирующую роль во внутренней контртеррористической стратегии правительства до 11 сентября 2001 года. В соответствии с её традиционным правоохранным подходом большая часть энергии была направлена на расследование уже совершённых террористических атак. Европейское сотрудничество в борьбе с терроризмом на протяжении 1990-х годов также фокусировалось на правоохранный деятельности и вопросах обеспечения внутренней безопасности [Hampton 2013].

4

Подходы к противодействию терроризму и борьбе с ним кардинально изменились после терактов 11 сентября 2001 года [Веселовский 2007; Ермилова 2014; Общее пространство внутренней безопасности в ЕС 2011; Adams et al. 2011; Argomaniz 2009; Baker-Beall 2009; Bossong 2013; Waxman 2009]. Эти нападения поразили мир не только своей дерзостью, но и глобальным характером целей, которых стремились добиться лидеры Аль-Каиды. Удар по башням-близнецам Всемирного торгового центра не подрывал военную мощь США, он был направлен на разрушение веры в могущество и неуязвимость самого мощного государства в международной системе начала 2000-х годов. С точки зре-

²² Это Конвенция о физической защите ядерного материала и ядерных установок (1980 г.); Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства (1988 г.); Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе (1988 г.).

²³ Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 г.

²⁴ Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 г.

ния эволюции взаимосвязи терроризма с конкретными территориями теракты 11 сентября 2001 г. продемонстрировали, что террористические группировки практически перестали зависеть от пространственной привязки или, вернее, оказались способными использовать все возможности неконтролируемых пространств вне зависимости от их географической локализации. Нападения 11 сентября планировались не только из «зоны племён» на границе Афганистана и Пакистана, но и из неприметной квартиры в Гамбурге, где представителям Аль-Каиды удалось сохранить анонимность и остаться незамеченными. Именно члены гамбургской ячейки играли основную роль в исполнении террористических атак. Её руководитель, приехавший в Германию из Египта на учёбу еще в 1992 году, прошёл все стадии радикализации уже в Европе, пользуясь, с одной стороны, высокой степенью частной автономии, а с другой – обретая новую социализацию не среди немцев, а в общине единоверцев–выходцев из арабских стран.

Теракты 11 сентября заставили исследователей обратить большее внимание на социальную топологию террористических сетей [Simons, Tucker 2007]. Рекрутинг adeptов во многих случаях требовал географической близости, в то время как близость в социальном пространстве могла образовываться позднее, например через обучение [Medina, Herper 2013]. Одновременно исследователи пришли к выводу, что социальные, виртуальные и географические пространства являются взаимозависимыми, образуя «гибридное пространство» [Medina, Herper 2013]. В частности, в виртуальном пространстве может происходить радикализация членов «спящих ячеек», благодаря доступу к идеологическому экстремистскому материалу и практическим инструкциям. Оно может также быть местом первого контакта террористов, имеющих боевой опыт и контролиру-

ющих некоторую территорию, и представителями радикализованной молодёжи из стабильных демократических государств.

Исследователи также выделяли проблему социальной географии терроризма [Simons, Tucker 2007], подчёркивая значение местного населения для эффективной политики противодействия ему. Замкнутость локальных сообществ, вне зависимости от места их проживания, может способствовать расширению радиуса действия террористических сетей. Напротив, вовлечение местного населения в процессы управления даже в нестабильных государствах (при условии наличия в них центрального правительства) способно повысить эффективность контртеррористических мер [Simons, Tucker 2007].

Тем не менее после 11 сентября 2001 г. военные средства борьбы с терроризмом вышли на первый план [Rineheart 2010]. Военные меры, которые до 2001 г. применялись в точечных, ограниченных во времени операциях, после 11 сентября приобрели характер более смертоносной и длительной глобальной «войны с террором» [Носенко 2010; Сушенцов 2014]. На её фоне стал формироваться глобальный контртеррористический режим [The Global Regime for Terrorism 2011]. Если до 11 сентября контртеррористические конвенции ООН представляли собой пёструю мозаику²⁵, то после нападений в США, благодаря лидирующей роли Совета Безопасности, международные нормы в области борьбы с терроризмом приобрели более обязывающий для государств характер [Веселовский 2005; Bianchi 2007].

СБ ООН в резолюции 1368, принятой 12 сентября 2001 года, вновь признал неотъемлемое право государств на индивидуальную и коллективную самооборону в соответствии с Уставом Организации и определил террористические акты как угрозу международному миру и безопасности. Действуя на основании главы VII Устава,

²⁵ Их ратификация и соблюдение оставались для государств делом добровольным. Поэтому к 11 сентября 2001 г. только два государства – Великобритания и Ботсвана – ратифицировали все 12 контртеррористических конвенций ООН.

Совет Безопасности в резолюции 1373 от 28 сентября 2001 г. обязал государства соблюдать весь комплекс международных норм, закреплённых в контртеррористических конвенциях, принятых ранее, и в самой резолюции 1373. Центральным институциональным механизмом нового режима стал созданный в соответствии с этой резолюцией Контртеррористический комитет (КТК). Он не только стал осуществлять мониторинг соблюдения положений конвенций, соответствующих резолюций, а также Глобальной контртеррористической стратегии ООН²⁶, принятой в 2006 году, но также способствовал укреплению контртеррористического потенциала государств-членов ООН и содействовал координации международной и двусторонней помощи, направляемой на эти цели.

Глобальный контртеррористический режим в первое десятилетие XXI в. развивался как комплекс превентивных норм, лишавших террористов доступа к необходимым им ресурсам (финансовым, территориальным, оружию). Между тем внимание к отдельным индивидам²⁷, вовлечённым в террористическую деятельность, оставалось до 2010-х годов уделом национальных мер противодействия. Например, политика США в сфере внутренней безопасности после 11 сентября пополнилась практиками усиленного контроля: превентивным задержанием, новыми методами допроса, рас-

ширением полномочий спецслужб, сбором данных о местных религиозных и этнических меньшинствах [Ермилова 2014; Adams et al. 2011; Countering Terrorism: Integration of Practice and Theory 2002; Waxman 2009]. Сходные явления наблюдались в государствах ЕС [Общее пространство внутренней безопасности в ЕС: политические аспекты 2011; Baker-Beall 2009; Bossong 2013; Vaughan-Williams 2007]. Государства с длительным опытом противодействия терроризму (например, Израиль) расширили арсенал технологических возможностей, позволяющих проникать, наблюдать, исследовать и формировать поведение внутри оппозиционных пространств [Ó Dochartaigh 2015]. В частности, Армия обороны Израиля перед бомбардировками террористических целей стала по sms предупреждать об этом гражданское население сектора Газа. В ответ на эти технологические проникновения в прежде безопасные для них пространства террористические группировки сменили стратегии использования имеющихся у них территориальных ресурсов. Например, Хамас стал строить подземные туннели [Ó Dochartaigh 2015].

В 2010-х годах глобальный контртеррористический режим стал в большей мере концентрироваться на сканировании угроз, исходящих от отдельных индивидов. Это смещение было обусловлено возникновением феномена ИГИЛ. Его отличительной

²⁶ Глобальная контртеррористическая стратегия ООН, принятая в 2006 г., состоит из четырёх разделов. Первый касается мер по устранению условий, способствующих распространению терроризма; второй – мер по предотвращению терроризма и борьбе с ним; третий направлен на укрепление потенциала государств-членов ООН и самой Организации Объединённых Наций в этой сфере; а четвёртый очерчивает меры по обеспечению всеобщего уважения прав человека в условиях борьбы с терроризмом. Меры по устранению условий, способствующих распространению терроризма, включают в себя урегулирование длительных конфликтов; противодействие дискриминации, политической изоляции, а также социально-экономической маргинализации. Меры по предотвращению терроризма направлены на пресечение доступа террористов к территориям государств-членов ООН. Меры по укреплению контртеррористического потенциала адресованы не только государствам, но и ряду международных организаций (МВФ, Всемирному банку, Интерполу, МАГАТЭ и др.). Наконец, меры по обеспечению соблюдения прав человека направлены, прежде всего, на создание и поддержание действенных национальных систем уголовного правосудия.

²⁷ Действительно, уже в 1999 г. Совбез ООН в резолюции 1267 ввёл санкции в отношении лиц, оказывающих поддержку движению Талибан. В дальнейшем физических и юридических лиц, имеющих связи с движением Талибан, «Аль-Каидой» и/или ИГИЛ, стали заносить в Сводный санкционный перечень, который обновляется КТК и Комитетом 1267–1989–2253. Однако лишь с возникновением проблемы иностранных боевиков-террористов потребовались более обширные меры превентивного характера, нацеленные на оценку возможных угроз, исходящих от отдельных индивидов.

чертой является «более активный, чем обычно для конфликтных зон в мусульманском мире, приток иностранных джихадистов как с Ближнего и Среднего Востока, так и из других регионов мира, в том числе из западных стран» [Степанова 2014с: 49].

5

2010-е годы открыли новую страницу в глобальной «войне с терроризмом». Использование вооружённых сил в контртеррористических операциях этого десятилетия связано с противодействием группам, контролирующим территории не только в масштабах одной страны, но и сразу нескольких государств. Все наиболее смертоносные повстанческо-террористические группировки в мире (Талибан, ИГИЛ, «Техрик-э-Талибан», Боко харам, «Лашкар-э-Джангви», «Джабхат ан-Нусра», Аш-Шабаб), «помимо активного использования ими террористических методов, также являются комбатантами — одной из военных сторон в крупных вооружённых конфликтах» [Степанова 2014а: 15]. Военные контртеррористические операции 2010-х годов сопровождаются масштабными мерами по оказанию помощи гражданскому населению в нестабильных странах, выступавших зоной базирования террористических групп (обеспечением его медикаментами, продовольствием, базовыми образовательными услугами).

Неверно было бы полагать, что подъём организаций, стремящихся к контролю над территориями, стал следствием эффективности борьбы с детерриториализованным терроризмом 2000-х. Исходя из этой логики, разгром международных сетей привёл бы к тому, что терроризм вновь стал локальным феноменом. В действительности это не так. Напротив, международный терроризм в результате действий западных стран

(и особенно интервенций в Афганистан и Ирак) к 2010-м годам приобрёл масштабным территориальным ресурсом: «непропорционально сильное влияние на статистику терроризма после терактов 11 сентября 2001 г. оказывают два региона мира — Ближний Восток и Южная Азия (включая Афганистан и Пакистан). В свою очередь, в этих регионах значительная часть террористической активности приходится на два региональных центра притяжения — зоны крупных вооружённых конфликтов в Афганистане и Ираке» [Степанова 2014а: 15].

Статистика «Global Terrorism Database» GTD [National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism 2016] демонстрирует резкий рост террористической угрозы во многих странах мира. В Ираке он наблюдается начиная с 2002 года. С 2013 г. в этой стране совершается более 3500 терактов в год. Непокойно и в других государствах Большого Ближнего Востока. Например, с 2010-х годов фиксируется рост террористической активности в Турции (более 180 терактов в 2013). В Израиле с 2013 г. произошёл резкий рост (примерно вдвое) количества террористических атак до отметки 300 в год. В Ливане с 2013 г. также растёт количество атак (более 200 терактов в год). В Южной Азии, помимо Афганистана, тревогу вызывает уровень террористической опасности в Пакистане. В этой стране пиковые показатели (более 2000 в год) регистрируются с 2010 года. В целом наиболее часто атакуемыми странами за период 1970—2014 гг. стали: Ирак — 16 023 теракта; Пакистан — 11 522; Индия — 9069; Колумбия — 7942; Афганистан — 7765.

Большинство современных военных контртеррористических интервенций осуществляются на фоне интенсивной (Мали²⁸, Ирак, Сирия и Йемен²⁹) и многолетней

²⁸ В 2012 г. конфликт в Северном Мали начался как вооружённый сепаратизм туарегов, объединённых в Национальное движение за освобождение Азавада, но уже к июлю 2012 г. сепаратисты потеряли контроль над территорией в пользу ряда радикальных исламистских группировок. В конце 2012 г. правительство Мали обратилось за внешней военной помощью для восстановления контроля над севером страны.

²⁹ В Йемене с 2015 г. идёт гражданская война. Коалиция арабских государств во главе с Саудовской Аравией вмешалась в конфликт на стороне правительственных сил. Одновременно США наносят авианудары по позициям Аль-Каиды и ИГИЛ в Йемене.

(Сомали³⁰) гражданской войны либо крайне интенсивной (Нигерия³¹) и длительной (Уганда³²) террористической активности, выходящей за пределы одной страны. Участие радикальных группировок во внутренних конфликтах имеет катастрофические гуманитарные последствия, а интернационализированные внутренние конфликты дестабилизируют целые регионы.

Таким образом, террористическая угроза в мире остаётся весьма значительной. Она продолжает сочетать в себе два взаимно усиливающих компонента: сетевой (с глобальным охватом действия) и территориально обособленный. Через глобальные террористические сети идет подпитка локальных и региональных террористических группировок, располагающих значительными людскими ресурсами. В частности, «если ИГИЛ и имеет связь с идеологией и повесткой дня “глобального джихада”, то в основном благодаря значительному присутствию иностранных, особенно западных, джихадистов с их подчёркнуто универсалистскими, глобалистскими взглядами» [Степанова 2014а: 25]. Велик риск того, «что ряд самых смертоносных вооружённо-террористических группировок исламистского типа в зонах наиболее интенсивных конфликтов в мире (от афганских и пакистанских талибов до Боко харам в Нигерии или Аш-Шабаб в Сомали) развиваются или могут двигаться в том же направлении, что и ИГИЛ» [Степанова 2014а: 25].

В ответ на эти вызовы меняется и облик современной контртеррористической борьбы [Country Reports on Terrorism 2015].

Если её военная составляющая [Громогласова 2016] направлена на подавление экстремистских групп, вовлечённых в локальные вооружённые конфликты, то важной сферой противодействия терроризму с помощью правоохранительных мер становится пресечение притока иностранных боевиков-террористов в ряды этих вооружённых экстремистских групп. В этой связи в резолюции 2178 от 18 сентября 2014 г. Совет Безопасности выразил серьёзную озабоченность по поводу «острой и усиливающейся угрозы», исходящей от «иностранных боевиков-террористов». Согласно определению, зафиксированному в документе, это «лица, отправляющиеся в государство, не являющееся государством их проживания или гражданства, для целей совершения, планирования, подготовки или участия в совершении террористических актов». Иностранные боевики-террористы делают конфликты более интенсивными, представляя угрозу для всех государств, с которыми их что-либо связывает. Переправка иностранных боевиков-террористов осуществляется с помощью транснациональных сетей.

Ввиду появления новой угрозы на первый план контртеррористической борьбы выходят превентивные меры, беспрецедентные по своему масштабу. Хотя акцент на упреждающих действиях обозначился уже в 2001 году, феномен иностранных боевиков требует большей фокусировки на отдельных индивидах. Основной вызов связан не столько с проблемой выяснения их общей численности [Казанцев 2016: 10], сколько с их идентификацией. «По боль-

³⁰ С 2007 г. в Сомали была развёрнута одобренная ООН (резолюция Совбеза 1744) миротворческая миссия Африканского союза (AMISOM), в задачи которой входила в том числе и помощь переходному правительству Сомали в борьбе с террористическими группировками, прежде всего с Аш-Шабаб.

³¹ Правительство Нигерии с 2009 г. ведёт борьбу с радикальной исламистской группировкой Боко харам. В 2012 г. к нему присоединились правительства Чада и Нигера, и образовалась антитеррористическая коалиция. С 2014 г. в неё также вошёл Камерун. США оказывают помощь антитеррористической коалиции (военные советники, логистика).

³² Уганда ведёт многолетнюю борьбу с «Объединёнными демократическими силами» и радикальной «Господней армией сопротивления». Обе группировки известны атаками на мирное население и похищениями и вербовкой в свои ряды детей. Они активно действуют и на территории Демократической Республики Конго (ДРК). С 2008 г. Уганда осуществляет координацию контртеррористических мер с ДРК, Суданом, Южным Суданом и ЦАР.

шей части, мы не знаем, кто они» — так сформулировал эту проблему один из представителей сообщества экспертов в области безопасности³³.

Эффективный режим безопасности возможен только тогда, когда понятие «иностранный боевик-террорист» соотнесено с конкретным субъектом. Более того, задача состоит в том, чтобы распознать террористические намерения этих индивидов и обезвредить их, до того как они проявятся в преступных и необратимых действиях. Упреждающий контртеррористический режим всё в большей мере начинает функционировать в зыбкой области «предвидения». Превентивная идентификация возможна на основе сбора персональных данных, их анализа, акцентировки подозрительных деталей и косвенных признаков участия в нелегальных сетевых взаимодействиях. Резолюция 2178 содержит ряд рекомендаций на этот счёт. В частности, можно выявлять иностранных боевиков-террористов на основе исследования данных о поездках и изучения их маршрутов. Кроме того, государствам-членам было рекомендовано «использовать процедуры оценки рисков», но при этом не прибегать «к практике составления вероятностной модели личности на основе стереотипов, обусловленных дискриминацией, запрещённой международным правом». Основа для принятия решений о запрете въезда или даже о задержании — «достоверная информация, дающая разумные основания полагать», что конкретный индивид стремится попасть на территорию какой-либо страны с террористическими целями. В частности, Совет Безопасности ООН призвал государства-члены требовать, чтобы авиационные компании, действующие на их территории, заблаговременно представляли соответствующим национальным властям информацию о пассажирах.

Новые приоритеты в борьбе с терроризмом предполагают гораздо большую сте-

пень интервенции в жизни людей, а также отход от либерально-демократических принципов и верховенства права, исключая возможность ареста «по подозрению» до совершения преступления.

В настоящий момент исполнение основных положений резолюции 2178 характеризуется избирательностью, но усиление превентивных мер заметно, особенно в либеральных демократиях. Например, в Великобритании закон о борьбе с терроризмом и безопасности 2015 г. разрешает, наряду с другими усиленными мерами безопасности, изъятие и временную конфискацию проездных документов, если есть подозрения, что цель поездки — запрещённая террористическая деятельность за рубежом. Кроме того, новый закон обяывает учителей, работников системы здравоохранения и представителей местных властей информировать правоохранительные органы, если у них имеются подозрения относительно радикализации молодёжи [Burniske et al. 2015: 96].

В Австралии в соответствии с ордером на превентивное задержание правоохранительные органы могут арестовать любого индивида на короткий период времени в целях пресечения неизбежной террористической атаки. Кроме того, может быть применён контрольный ордер, который ограничивает свободу передвижения, выезд из страны, коммуникации, занятие какой-либо деятельностью, включая работу, доступ к определённым технологиям (Интернету). Такого рода документы выдаются судом и с согласия генпрокурора [Burniske et al. 2015: 48–49]. Сходные превентивные меры характерны и для Новой Зеландии. Антитеррористические законы этой страны, принятые в конце 2014 года, позволяют внутреннему разведывательному агентству наблюдать за индивидами в течение 24 часов, не получая ордера [Burniske et al. 2015: 77–78]. В Канаде антитеррористический закон 2015 г. позволяет правоохранительным органам задерживать лиц, подо-

³³ Wall R. Foreign Fighters Are Still Able to Travel to War Zones Despite Efforts to Halt Flow. WJSJ. 27 October 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wsj.com/articles/u-n-countries-cant-stop-flow-of-foreign-fighters-to-war-zones-1445958056> (дата обращения: 12.09.2016)

зреваемых в терроризме. Эта мера должна быть авторизована в судебном порядке до либо после ареста [Burniske et al. 2015: 55–56]. В свою очередь, Министерство внутренней безопасности США в ответ на резолюцию 2178 ввело новые меры безопасности в аэропортах. Кроме усиления превентивных полномочий правоохранительных органов, исполнение резолюции 2178 сопряжено с активным развитием биометрических технологий охраны границ. В большинстве западных стран на пропускных пограничных пунктах они внедрены.

Напротив, отстают на этом и других направлениях реализации положений резолюции 2178 государства Большого Ближнего Востока. Среди них – Турция: хотя в 2014 г. власти страны интенсифицировали усилия по пресечению поездок лиц, подозреваемых в связях с террористическими организациями, у Анкары до середины 2015 г. не было визового режима с Ливией, которая остаётся одним из крупных государств-поставщиков иностранных боевиков-террористов. Ливия выступает либеральным пространством для террористических групп. Силы её пограничной безопасности неэффективны и нередко участвуют в незаконной трансграничной торговле [Burniske et al. 2015: 71–72]. У Марокко [Burniske et al. 2015: 73] и Туниса [Burniske et al. 2015: 90–91] дела обстоят лучше. Правоохранительные органы Марокко сотрудничают на регулярной основе с американскими коллегами для выявления индивидов, стремящихся незаконно пересечь границу страны. Службы безопасности в аэропортах Марокко могут выявить поддельные документы, однако у них нет системы биометрических проверок. Напротив, у Туниса есть автоматизированная система идентификации отпечатков пальцев. Не останавливаясь на достигнутом, эта страна на постоянной основе взаимодействует с Алжиром, пресекая совместными усилиями поток оружия и повстанцев через границу с Ливией. В целом же в регионе Ближнего Востока и Северной Африки прогресс в исполнении резолюции 2178 весьма различается от страны к стране.

На протяжении 2010-х годов Совет Безопасности ООН принял дополнительные документы, направленные на укрепление глобального контртеррористического режима. В 2015 г. была принята резолюция 2199, целью которой стало пресечение способов обогащения террористических групп в Ираке и Сирии за счёт контрабандной торговли нефтью, античными ценностями, а также торговли людьми. Резолюция 2242 (2015) очерчивает ряд мер по противодействию вооружённому экстремизму и терроризму, а также повышению роли женщин в обеспечении мира. В резолюции 2253 (2015) Совбез распространил на ИГИЛ санкционный режим, действовавший в отношении Аль-Каиды. В этой резолюции были также изложены меры по ликвидации каналов поддержки и финансирования этих организаций.

Глобальный контртеррористический режим требует от государств-членов ООН принятия всё новых мер, направленных на обеспечение безопасности. Усиливается наблюдение за частными, внутренними сферами жизни. В результате уменьшается пространство мобильности, возможностей и космополитичных ожиданий, ассоциирующихся с глобализацией и открытым обществом.

* * *

Глобальный контртеррористический режим начал формироваться в тот момент, когда транснациональный терроризм стал вызовом для мировой системы в целом [Веселовский 2007]. Восприятие терроризма как общей угрозы миру и международной безопасности, не оправдываемой никакими мотивами, утвердилось после атак 11 сентября 2001 года. Сразу вслед за ними произошла резкая активизация контртеррористической деятельности Совета Безопасности ООН. В результате удалось укрепить меры противодействия терроризму и содержательно расширить их спектр, а также, что не менее важно, создать институциональный механизм мониторинга их соблюдения государствами.

Тем не менее в 2010-х годах транснациональная террористическая угроза возросла.

В отличие от Аль-Каиды террористические группировки нового поколения (ИГИЛ, Аш-Шабаб, Боко харам) расширили зоны своего территориального контроля, стали комбатантами в интернационализованных внутренних конфликтах. Они не соблюдают «законы и обычаи войны» (международное гуманитарное право) и применяют политику геноцида в отношении гражданского населения в подконтрольных им районах.

Наиболее важными вехами нового этапа глобальной «войны с террором» стали контртеррористические операции вооружённых сил западной (во главе с США) и российской коалиций в Ираке и Сирии, целью которых является разгром ИГИЛ. Совместно военных и невоенных методов борьбы с терроризмом образуют современный комплексный ответ на террористический вызов.

Глобальный контртеррористический режим 2010-х годов в известной мере развивается как дополнение военному ответу на подъём террористических группировок в различных регионах мира (Южной Азии, Ближнем Востоке, в Африке). Приоритеты этого режима обозначены в соответствующих резолюциях Совета Безопасности ООН. Важной его задачей становится лишение террористических группировок возможностей рекрутинга и подпитки иностранными боевиками-террористами. Кроме усиления превентивных мер, сфокуси-

рованных на отдельных индивидах, исполнение новых международных резолюций сопряжено с активным развитием биометрических технологий охраны границ. Однако биометрические технологии не являются идеологически нейтральными [Wilson 2007]. Они подразумевают и большую степень открытости индивидов перед органами [Mogris 2016], демократическая подотчётность которых вызывает сомнения, и сопряжены с рисками дискриминации по национальным, религиозным и иным признакам. В перспективе идентификационные электронные карты могут содержать биометрические и расширенные биографические данные, отражающие жизненный цикл [Vaughan-Williams 2009; 2010] индивидов, включая задолженности по кредитам, отношения с законом, изменение личного статуса, состояние здоровья.

Во Франции при обсуждении новых контртеррористических мер после терактов 13 ноября 2015 г. общественная дискуссия разворачивалась вокруг таких понятий, как «режим наблюдения», «общество наблюдения», «антитеррористическое чрезвычайное положение»³⁴. Риски чрезмерной реакции на террористический вызов связаны с затруднением работы гуманитарных служб, чью деятельность по сохранению жизни и оказанию помощи в зонах контролируемых террористическими группировками, трудно переоценить.

Список литературы

- Алексеев О.Н. Роль международных механизмов по противодействию терроризму в странах Азиатско-Тихоокеанского региона // Перспективы науки. 2012. №8 (35). С.158–160.
- Байков А.А. Борьба с терроризмом и уроки «холодной войны» // Международные процессы. 2006. Т. 4. №10. С. 150–153.
- Веселовский С.С. Роль и место Организации Объединённых Наций в борьбе с международным терроризмом // Актуальные проблемы политической теории: Сборник научных трудов. Вып. 2 / Отв. ред. Т.А. Алексеева. М.: МГИМО (У) МИД России, 2005. С. 150–175.
- Веселовский С.С. Многостороннее сотрудничество в борьбе с транснациональным терроризмом: Дисс. ... канд. полит. наук / МГИМО(У) МИД России. М., 2007. 208 с.
- Воскресенский А.Д. Социальные порядки и пространство мировой политики (историческая эволюция мировой системы) // Полис. Политические исследования. 2013. № 2. С. 6–23.

³⁴ Vulliamy E. Paris Attacks: Security and Surveillance Cast a Dark Shadow over France's Love of 'Liberté and 'Fraternité'. The Guardian. 22 November 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.theguardian.com/world/2015/nov/22/paris-attacks-security-liberte-fraternite> (дата обращения: 12.09.2016).

- Грачёв С.И. Терроризм и контртерроризм в условиях глобализма. ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2007. 354 с.
- Грачёв С.И. Современный международный терроризм: реальность и проблемы противодействия // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. №2(24). С. 32–35.
- Громогласова Е.С. Современный военно-силовой контртерроризм: международно-политический и правовой аспекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. Т.16. № 3. С. 426–436.
- Ермилова Э.А. Основные мероприятия по противодействию терроризму на территории США после событий 11 сентября 2001 года // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Вып. 7. 2014. С. 39–46.
- Казанцев А.А. Проблема вербовки и возврата боевиков-террористов: опыт Европы и перспективы России. Рабочая тетрадь №27. РСМД. М.: Спец-книга, 2016. 40 с.
- Каплан Р. Балканские призраки. Пронзительное путешествие сквозь историю. М.: КоЛибри, 2017. 368 с.
- Косолапов Н.А. Глобализация: территориально-пространственный аспект // МЭ и МО. 2005. № 6. С. 3–13.
- Косолапов Н.А. Пространственно-организационный подход к анализу международных реалий // Международные процессы. 2007. Т. 5. № 15. С. 57–65.
- Кулагин М.А. К вопросу о международном взаимодействии в противодействии терроризму в условиях глобализации // Юристы-Правоведь. 2009. №5. С. 70–74.
- Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 50. М.: Политиздат, 1970. 623 с.
- Носенко В. Долгая война с террором // Мировая экономика и международные отношения. 2010. №4. С. 31–41.
- Общее пространство внутренней безопасности в ЕС: политические аспекты / Отв. ред. С.В. Уткин. М. ИМЭМО РАН, 2011. 146 с.
- Прохоренко И.Л. Пространственный подход в исследовании международных отношений. М.: ИМЭМО РАН, 2015. 111 с.
- Прохоренко И.Л. Возможности пространственного подхода в изучении этнополитической конфликтности // Полис. Политические исследования. 2016. № 6. С. 127–138.
- Системная история международных отношений: В 4 томах. 1918–2003. События и документы / Под ред. А.Д. Богатурова. Т. I. М.: НОФМО, 2003–2004. 520 с.
- Соловьёв Э.Г. Сетевые организации транснационального терроризма // Международные процессы. 2004. Т. 2. №5. С. 71–83.
- Степанова Е.А. Организационные формы глобального джихада // Международные процессы. 2006. Т. 4. №10. С. 95–103.
- Степанова Е.А. Исламистский терроризм сегодняшнего дня: глобальный и локально-региональный уровни // Индекс безопасности. 2007. Т.13. №1. С. 75–92.
- Степанова Е.А. Терроризм: проблемы определения и функционально-идеологическая типология // Мировая экономика и международные отношения. 2010. №7. С. 23–32.
- Степанова Е.А. Транснациональный терроризм спустя 10 лет после терактов 11 сентября: спад, подъём или трансформация? // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2011. №3. С. 4–34.
- Степанова Е.А. ИГИЛ и транснациональный исламистский терроризм // Пути к миру и безопасности. 2014а. №2 (47). С. 13–27.
- Степанова Е.А. Основные тенденции в области современного терроризма. Ч. 1 // Индекс безопасности. 2014б. Т.20. №3 (110). С. 95–110.
- Степанова Е.А. Основные тенденции в области современного терроризма. Ч. 2. Регионализация вооружённых радикально-исламистских движений на примере ИГИЛ // Индекс безопасности. 2014с. Т. 20. №4 (111). С. 49–58.
- Стрежнева М.В. Территориальный и функциональный типы организации политических пространств (в развитие интеграционной теории) // Политическая наука. 2014. № 2. С. 26–43.
- Сушенцов А.А. Малые войны США: Политическая стратегия США в конфликтах в Афганистане и Ираке в 2000–2010-х годах: Научное издание / Отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: ЗАО Издательство «Аспект Пресс», 2014. 272 с.
- Транснациональные политические пространства: явление и практика. М.: Весь мир, 2011. 376 с.
- Чернядьева Н.А. Борьба с терроризмом в единой Европе: проблемы выработки единых подходов к понятию «терроризм» // European Social Science Journal. 2011. № 10 (13). С. 542–552.
- Adams N., Nordhaus T., Shellenberger M. Counterterrorism since 9/11. Evaluating the Efficacy of Controversial Tactics. Spring 2011. Oakland, California. Breakthrough Institute. 2011. 63 p.
- Argomaniz J. Post-9/11 Institutionalisation of European Union Counter-Terrorism: Emergence, Acceleration and Inertia // European Security. 2009. Vol.18, Issue 2. P. 151–172.

- Bahgat K., Medina R.M.* An Overview of Geographical Perspectives and Approaches in Terrorism Research // *Perspectives on Terrorism*. Vol.7. Iss.1. February 2013: 38–72.
- Baker-Beall C.* The Discursive Construction of EU Counter-Terrorism Policy: Writing the 'Migrant Other', Securitisation and Control // *Journal of Contemporary European Research*. 2009. No.5(2). P. 188–206. URL: <http://www.jcer.net/ojs/index.php/jcer/article/view/161/146/>
- Bianchi A.* Assessing the Effectiveness of the UN Security Council's Anti-terrorism Measures: the Quest for Legitimacy and Cohesion // *The European Journal of International Law*. 2007. Vol.17. No. 5. P. 881–919.
- Bossong R.* The Evolution of EU Counter-Terrorism. *European Security Policy after 9/11*. L., NY. Routledge, 2013. 208p.
- Bremer L.P.* Counter-Terrorism, Strategy and Tactics. Washington, D.C. US Department of State, Bureau of Public Affairs, Office of Public Communication, Editorial Division. 1987. 4 p. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=umn.319510029551370;view=1up;seq=2>
- Burniske J., Lewis D., Modirzadeh N.* Suppressing Foreign Terrorist Fighters and Supporting Principled Humanitarian Action: A Provisional Framework for Analyzing State Practice. Harvard Law School Program on International Law and Armed Conflict, Counterterrorism and Humanitarian Engagement Project. Research Briefing. 14th October 2015. 103 p. URL: <http://nrs.harvard.edu/urn-3:HUL.InstRepos:25122631> (дата обращения: 12.09.2016).
- Countering Terrorism: Integration of Practice and Theory / Materials of Invitational Conference. FBI Academy. Quantico, Virginia. 28th February, 2002. 62 p. URL: <https://www.apa.org/news/press/releases/2002/11/countering-terrorism.pdf>
- Country Reports on Terrorism 2014. US Department of State Publication. Bureau of Counterterrorism. Released June 2015. 389 p. URL: <http://www.state.gov/j/ct/rls/crt/2014/index.htm>
- Daanish M.* The Terrible Geographicalness of Terrorism: Reflections of a Hazards Geographer // *Antipode*. 2005. Vol. 37, No. 1. P. 72–92.
- Elden S.* *Terror and Territory. The Spatial Extent of Sovereignty*. Minneapolis, London. University of Minnesota Press. 2009. 296 p.
- Hampton M.N.* *A Thorn in Transatlantic Relations. American and European Perceptions of Threat and Security*. NY. Palgrave Macmillan. 2013. 206 p.
- Heinz W.S., Arend J.-M.* *The International Fight against Terrorism and the Protection of Human Rights*. Berlin: German Institute for Human Rights. 2005. 44 p.
- Hobbs J.J. The Geographical Dimensions of Al-Qa'ida Rhetoric // *Geographical Review*. 2005. Vol.95. No.3. P. 301–327.
- Kittner C.C.B.* The Role of Safe Havens in Islamist Terrorism // *Terrorism and Political Violence*. 2007. Vol.19. No. 3. P. 307–329.
- Korteweg E.* Black Holes: On Terrorist Sanctuaries and Governmental Weakness // *Civil Wars*. 2008. Vol.10. No.1. P. 60–71.
- Law Enforcement, Counterterrorism, and Intelligence Collection in the United States Prior to 9/11. National Commission on Terrorist Attacks Upon the United States. Staff Statement No. 9. 2004. URL: govinfo.library.unt.edu/911/staff_statements/staff_statement_9.pdf
- Medina R.M., Hepner G.F.* *The Geography of International Terrorism: an Introduction to Spaces and Places of Violent Non-State Groups*. L., NY. CRC Press, 2013. 258 p.
- Merari A.* Terrorism as a Strategy of Insurgency // *Terrorism and Political Violence*. 1993. Vol.5. No.4. P. 213–251.
- Morris V.R.* Identity and Biometrics Enabled Intelligence (BEI) Sharing for Transnational Threat Actors // *Small Wars Journal*. 22 March 2016. URL: <http://smallwarsjournal.com/jrnl/art/identity-and-biometrics-enabledintelligence-bei-sharing-for-transnational-threat-actors>
- National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism (START). Global Terrorism Database. 2016. URL: <https://www.start.umd.edu/gtd>
- Nesser P., Stenersen A.* The Modus Operandi of Jihadi Terrorists in Europe // *Perspectives on Terrorism*. 2014. Vol.8. No.6. P. 2–24.
- Ó Dochartaigh N.* Spatial Contexts for Political Violence // *Political Violence in Context: Time, Space and Milieu* / Eds.: Bosi L., Ó Dochartaigh N., PISOIU D. Colchester. ECPR Press, 2015. P. 115–124.
- Rineheart J.* Counterterrorism and Counterinsurgency // *Perspectives on Terrorism*. 2010. Vol. 4. Issue 5. P. 31–47.
- Roberts A.* Countering Terrorism: A Historical Perspective // *Counterterrorism: Democracy's Challenge* / Ed. by A.Bianchi, A.Keller. Oxford, Portland (Oregon): Hart Publishing, 2008. P. 3–42.
- Rosenau W.* The "First War on Terrorism?" U.S. Domestic Counterterrorism During the 1970s and early 1980s. CNA Analysis & Solutions. October 2014. 30 p. URL: https://www.cna.org/CNA_files/PDF/CRM-2014-U-008836.pdf
- Sánchez-Cuenca I., De la Calle L.* Domestic Terrorism: The Hidden Side of Political Violence // *Annual Review of Political Science*. 2009. No.12. P. 31–49.

- Savitch H.V.* Cities in a Time of Terror: Space, Territory, and Local Resilience. N.Y.: M. E. Sharpe, 2007. 296 p.
- Simons A., Tucker D.* The Misleading Problem of Failed States: a 'Socio-Geography' of Terrorism in the Post-9/11 Era // *Third World Quarterly*. 2007. Vol.28. No.2. P. 387–401.
- Smelser N.J.* The Faces of Terrorism: Social and Psychological Dimensions. Princeton: Princeton University Press, 2010. 288 p.
- Terrorism: Patterns of Internationalization // Ed. by J.Saikia, E.Stepanova. New Delhi. SAGE Publications India, 2009. 316 p.
- The History of Terrorism. From Antiquity to Al Qaeda / Ed. by G.Chaliand, A.Blin. Berkeley and LA: University of California Press, 2007. 474 p.
- The Routledge History of Terrorism // Ed. by R.Law. L., N.Y.: Routledge. 2015. 542 p.
- Vaughan-Williams N.* The Shooting of Jean Charles de Menezes: New Border Politics? // *Alternatives*. 2007. Vol.32. P. 177–195.
- Vaughan-Williams N.* Border Politics. The Limits of Sovereign Power. Edinburgh. Edinburgh University Press, 2009. 208 p.
- Vaughan-Williams N.* The UK Border Security Continuum: Virtual Biopolitics and the Simulation of the Sovereign Ban // *Environment and Planning D: Society and Space*. 2010. Vol.28. No.6. P. 1071–1083
- Waxman M.C.* Police and National Security: American Local Law Enforcement and Counterterrorism After 9/11 // *Journal of National Security Law & Policy*. 2009. Vol. 3. No.2. P. 377–407.
- Wilson D.* Australian Biometrics and Global Surveillance // *International Criminal Justice Review*. 2007. Vol.17. No.3. P. 207–219.

ASSESSMENT OF COUNTERTERRORIST STRATEGIES – A SPATIAL APPROACH

ELIZAVETA GROMOGLASOVA

Primakov's Institute of World Economy and International Relations, Moscow,
117997, Russian Federation

Abstract

The paper traces the evolution of counter-terrorism measures both on national (on the example of the US and Western European states) and international levels from the beginnings of the XXth century till the present. This retrospective analysis is built on the assumption that counter-terrorism is in its basic nature a politics of response to terrorist threats. In this paper its development is analyzed in combination with a study of a changing nature of terrorism during the same period of time. Because it is simply impossible to present an integral vision of all dimensions of change and their influence on the respective counter-terrorism practices it was chosen to analyze 'the both sides of the coin' from one particular perspective: territorial and (geo)spatial. Indeed, the question about 'territoriality' of terrorism seems to be an underdeveloped and therefore a perspective field of study. So, from 'territorial' and 'spatial' perspective many major terrorist campaigns in the first half of the XXth century were strictly bound to clearly defined territorial context. Hence, the counter-terrorist measures often were part of more broaden counter-insurgency strategies that combined 'hard' (military) and 'soft' (protection and providing aid to non-combatants, civil population) approaches. After the WWII the terrorist threat evolved rapidly. In the 1960s international terrorism with its roots in conflict zones manifested itself as a distinctive threat through numerous 'hostages' 'dramas'. At the same time Western states were challenged by domestic ideologically motivated terrorist groups that didn't have any territorial control and were dependent on 'social geography' and interpersonal networks. In response to 'extraterritorial' terrorist violence 'law-enforcement' counter-terrorism models were modified and further developed at national levels. But on the international level cooperation in counter-terrorism continued to be limited until the late 1990s. However, only after 9/11

terrorism was defined by the UN Security Council as a threat to international peace and security. That threat was more serious than ever before because of its ‘combined’ nature. It resulted from a symbiosis of ‘territorial’ and ‘networked’ (global and extraterritorial) forms of terrorist violence. As a response the UN Security Council reacted with a lot of resolutions that constituted modern global regime in counterterrorism security. During the 2000s it was focused on sanctions and denying terrorists an access to resources (financial, etc.). But in the 2010s it’s evolving towards more overwhelming and comprehensive regime of surveillance and ‘scanning’ terrorist threats on the ‘micro’-level.

Keywords:

terrorism; counterterrorism; war on terror; spatial approach; political space; military force; UN Security Council; foreign terrorist-fighters.

References

- Adams N., Nordhaus T., Shellenberger M. 2011. *Counterterrorism since 9/11. Evaluating the Efficacy of Controversial Tactics*. Oakland, California. Breakthrough Institute. 63 p.
- Alekseev O.N. 2012. Rol' mezhdunarodnykh mekhanizmov po protivodeistviyu terrorizmu v stranakh Aziatsko-tikhookeanskogo regiona [The Role of International Mechanisms in Countering Terrorism in the Countries of the Asian-Pacific Region]. *Perspektivy nauki*. No. 8 (35): 158–160.
- Argomaniz J. 2009. Post-9/11 Institutionalisation of European Union Counter-Terrorism: Emergence, Acceleration and Inertia. *European Security*. Vol.18, Iss.2: 151–172.
- Bahgat K., Medina R.M. 2013. An Overview of Geographical Perspectives and Approaches in Terrorism Research. *Perspectives on Terrorism*. Vol.7, Iss.1: 38–72.
- Baikov A. A. 2006. Bor'ba s terrorizmom i uroki «kholodnoi voiny» [The Fight Against Terrorism and Lessons of the Cold War]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol.4, No.10: 150–153.
- Baker-Beall, C. 2009. The Discursive Construction of EU Counter-Terrorism Policy: Writing the ‘Migrant Other’, Securitisation and Control. *Journal of Contemporary European Research*. Vol.5 No.2: 188–206. Available at: <http://www.jcer.net/ojs/index.php/jcer/article/view/161/146/> [accessed: 12.09.2016].
- Bianchi A. 2007. Assessing the Effectiveness of the UN Security Council's Anti-terrorism Measures: the Quest for Legitimacy and Cohesion. *The European Journal of International Law*. Vol.17, No.5: 881–919.
- Bosson R. *The Evolution of EU Counter-Terrorism. European Security Policy after 9/11*. L., NY, Routledge. 208 p.
- Bremer L.P. 1987. *Counter-Terrorism, Strategy and Tactics*. Washington, D.C. US Department of State, Bureau of Public Affairs, Office of Public Communication, Editorial Division. 4p. Available at: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=umn.319510029551370;view=1up;seq=2> (Accessed: 12.09.2016).
- Burniske J., Lewis D., Modirzadeh N. 2015. Suppressing Foreign Terrorist Fighters and Supporting Principled Humanitarian Action: A Provisional Framework for Analyzing State Practice. Harvard Law School Program on International Law and Armed Conflict, Counterterrorism and Humanitarian Engagement Project. *Research Briefing*. 103 p. Available at: <http://nrs.harvard.edu/urn-3:HUL.InstRepos:25122631> [accessed: 12.09.2016].
- Chernyad'eva N.A. 2011. Bor'ba s terrorizmom v edinoi Evrope: problemy vyrabotki edinykh podkhodov k ponyatiyu «terrorizm» [Fight against Terrorism in Unified Europe: Problems of Elaborating of Common Approach to the Notion of Terrorism]. *European Social Science Journal*. Iss.10 (13): 542–552.
- Countering Terrorism: Integration of Practice and Theory*. 2002. Materials of Invitational Conference. FBI Academy, 28th February. Quantico, Virginia. 62 p. Available at: <https://www.apa.org/news/press/releases/2002/11/countering-terrorism.pdf> (Accessed: 12.09.2016).
- Country Reports on Terrorism 2014*. 2015. US Department of State Publication. Bureau of Counterterrorism. Released June 2015. 389 p. Available at: <http://www.state.gov/j/ct/rls/crt/2014/index.htm> [Accessed: 12.09.2016].
- Daanish M. 2005. The Terrible Geographicalness of Terrorism: Reflections of a Hazards Geographer. *Antipode*. Vol. 37. No.1. 2005: 72–92.
- Elden S. 2009. *Terror and Territory. The Spatial Extent of Sovereignty*. Minneapolis, London. University of Minnesota Press. 296 p.
- Ermilova E.A. 2014. Osnovnye meropriyatiya po protivodeistviyu terrorizmu na territorii SShA posle sobytii 11 sentyabrya 2001 goda [The main Measures of Countering Terrorism on the US Territory after 9/11]. *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. Iss.7: 39–46.
- Grachev S.I. 2007. *Terrorizm i kontrterrorizm v usloviyakh globalizma* [Terrorism and Counter-Terrorism in the Conditions of Globalism]. NNGU im. N.I.Lobachevskogo. Nizhnii Novgorod. 354 p.
- Grachev S.I. 2016. Sovremenniy mezhdunarodnyy terrorizm: real'nost' i problemy protivodeistviya [The Modern International Terrorism: Reality and Problems of Countering]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. No.2(24): 32–35.

- Gromoglasova E.S. 2016. Sovremennyyi voenno-silovoi kontrterrorizm: mezhdunarodno-politicheskiy i pravovoy aspekt [The Modern Use of Military Force against Terrorists: International Legal and Political Aspects]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2016. Vol.16. No. 3: 426–436.
- Hampton M. N. 2013. *A Thorn in Transatlantic Relations. American and European Perceptions of Threat and Security*. NY. Palgrave Macmillan. 206 p.
- Heinz W.S., Arend J.-M. 2005. *The International Fight against Terrorism and the Protection of Human Rights*. Berlin. German Institute for Human Rights. 44 p.
- Hobbs J.J. 2005. The Geographical Dimensions of Al-Qa'ida Rhetoric. *Geographical Review*. Vol.95, No.3: 301–27.
- Kaplan R. 2017. *Balkanskiye prizraki. Pronzitel'noye puteshestvie skvoz' istoriyu* [Balkan Ghosts: A Journey through History]. M. KoLibri. 368 p.
- Kazantsev A.A. 2016. Problema verbovki i vozvrata boevikov-terroristov: opyt Evropy i perspektivy Rossii [The Problem of Recruiting and Returning of Terrorist-Fighters: the Experiences of Europe and Perspectives for Russia]. *Working Paper No.27*. RSMD. Moscow. Spets-kriga. 40 p.
- Kittner C.C.B. 2007. The Role of Safe Havens in Islamist Terrorism. *Terrorism and Political Violence*. Vol.19. No.3: 307–329.
- Kortweg E. 2008. Black Holes: On Terrorist Sanctuaries and Governmental Weakness. *Civil Wars*. Vol.10. No.1: 60–71.
- Kosolapov N.A. 2005. Globalizatsiya: territorial'no-prostranstvennyi aspekt [Globalization: Territorial and Spatial Aspect]. *ME MO Journal*. No. 6: 3–13.
- Kosolapov N.A. 2007. Prostranstvenno-organizatsionnyi podkhod k analizu mezhdunarodnykh realii [Spatial and Organizational Approach to the Analysis of International Realities]. *Mezhdunarodnyye protsessy* [International Trends]. Vol.5. No.15: 57–65.
- Kulagin M.A. 2009. K voprosu o mezhdunarodnom vzaimodeistvii v protivodeistvii terrorizmu v usloviyakh globalizatsii [On Question of International Cooperation in Countering Terrorism in the Globalization Era]. *Yurist — Pravoved*. No.5: 70–74.
- Law Enforcement, Counterterrorism, and Intelligence Collection in the United States Prior to 9/11. 2004. *Staff Statement No.9*. National Commission on Terrorist Attacks Upon the United States. Available at: govinfo.library.unt.edu/911/staff_statements/staff_statement_9.pdf [Accessed: 12.09.2016].
- Lenin V.I. 1970. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works]. 5th Edition. Vol.50. M. Politizdat. 623 p.
- Nosenko V. 2010. Dolgaya voina s terrorom [The Long War on Terror]. *ME MO Journal*. No.4: 31–41.
- Medina R.M., Hepner G.F. 2013. *The Geography of International Terrorism: an Introduction to Spaces and Places of Violent Non-State Groups*. L., NY. CRC Press. 258 p.
- Merari A. 1993. Terrorism as a Strategy of Insurgency. *Terrorism and Political Violence*. Vol.5. No.4: 213–51.
- Morris V.R. 2016. Identity and Biometrics Enabled Intelligence (BEI) Sharing for Transnational Threat Actors. *Small Wars Journal*. 22 March. Available at: <http://smallwarsjournal.com/jrnl/art/identity-and-biometrics-enabledintelligence-bei-sharing-for-transnational-threat-actors> [Accessed: 12.09.2016].
- National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism (START). 2016. *Global Terrorism Database* [Data file]. Available at: <https://www.start.umd.edu/gtd> [Accessed: 12.09.2016].
- Nesser P., Stenersen A. 2014. The Modus Operandi of Jihadi Terrorists in Europe. *Perspectives on Terrorism*. Vol.8. No. 6: 2–24.
- Obshchee prostranstvo vnutrennei bezopasnosti v ES: politicheskie aspekty* [The Common Space of Internal Security in the EU: Political Aspects]. 2011. Otv. red. S.V. Utkin. Moscow. IMEMO RAN. 146 p.
- Ó Dochartaigh N. 2015. Spatial Contexts for Political Violence. *Political Violence in Context: Time, Space and Milieu*. Eds.: Bosi L., Ó Dochartaigh N., Pisiou D. Colchester. ECPR Press: 115–124.
- Prokhorenko I.L. 2015. *Prostranstvennyi podkhod v issledovanii mezhdunarodnykh otnoshenii* [Spatial Approach in International Relations Studies]. M. IMEMO RAN. 111 p.
- Prokhorenko I.L. 2016. Vozmozhnosti prostranstvennogo podkhoda v izuchenii etnopoliticheskoi konfliktnosti [Potential of the Spatial Approach in Studying Ethno-Political Conflicts]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No.6: 127–138.
- Rineheart J. Counterterrorism and Counterinsurgency. 2010. *Perspectives on Terrorism*. Vol. 4. Iss.5. November: 31–47.
- Roberts A. Countering Terrorism: A Historical Perspective. 2008. *Counterterrorism: Democracy's Challenge*. Ed. by A.Bianchi, A.Keller. Oxford, Portland (Oregon). Hart Publishing: 3–42.
- Rosenau W. 2014. *The "First War on Terrorism?" U.S. Domestic Counterterrorism During the 1970s and early 1980s*. CNA Analysis & Solutions. 30p. Available at: https://www.cna.org/CNA_files/PDF/CRM-2014-U-008836.pdf [Accessed: 12.09.2016].
- Sánchez-Cuenca I., De la Calle L. 2009. Domestic Terrorism: The Hidden Side of Political Violence. *Annual Review of Political Science*. No.12: 31–49.
- Savitch H.V. 2007. *Cities in a Time of Terror: Space, Territory, and Local Resilience*. NY. M. E. Sharpe. 296 p.

- Simons A., Tucker D. 2007. The Misleading Problem of Failed States: a 'Socio-Geography' of Terrorism in the Post-9/11 Era. *Third World Quarterly*. Vol.28. No.2: 387–401.
- Sistemnaya istoriya mezhdunarodnykh otnoshenii v chetyrekh tomy. 1918–2003. Sobytiya i dokumenty* [The Systemic History of International Relations in Four Volumes. 1918–2003. Events and Documents]. 2003. Ed by A.D.Bogaturov. Vol. I. M. NOFMO. 520 p.
- Smelser N.J. 2010. *The Faces of Terrorism: Social and Psychological Dimensions*. Princeton. Princeton University Press. 288 p.
- Solov'ev E.G. 2004. Setevye organizatsii transnatsional'nogo terrorizma [The Network Organizations of Transnational Terrorism]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol.2. No.5: 71–83.
- Stepanova E.A. 2006. Organizatsionnye formy global'nogo dzhikhada [The Organizational Forms of Global Jihad]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol.4. No. 10: 95–103.
- Stepanova E.A. 2007. Islamistskii terrorism segodnyashnego dnya: global'nyi i lokal'no–regional'nyi urovni [The Present Day Islamist Terrorism: Global and Local-Regional Levels]. *Indeks bezopasnosti*. Vol.13. No.1: 75–92.
- Stepanova E.A. 2010. Terrorism: problemy opredeleniya i funktsional'no–ideologicheskaya tipologiya. [Terrorism: Problems of Definition and Functional–Ideological Typology]. *ME MO Journal*. No.7: 23–32.
- Stepanova E.A. 2011. Transnatsional'nyi terrorism spustya 10 let posle teraktov 11 sentyabrya: spad, pod'em ili transformatsiya? [Transnational Terrorism 10 years After the Terrorist Attacks of 11th September: Decline, Rise or Transformation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*. No.3: 4–34.
- Stepanova E.A. 2014 (1). IGIL i transnatsional'nyi islamistskii terrorism [The ISIL and Transnational Islamist Terrorism]. *Puti k miru i bezopasnosti*. No.2 (47): 13–27.
- Stepanova E.A. 2014 (2) Osnovnye tendentsii v oblasti sovremennogo terrorizma: chast' 1 [The main Trends in Modern Terrorism. Part One]. *Indeks bezopasnosti*. Vol.20. No.3 (110): 95–110.
- Stepanova E.A. 2014 (3). Osnovnye tendentsii v oblasti sovremennogo terrorizma: chast' 2. regionalizatsiya voruzhennykh radikal'no–islamistskikh dvizhenii na primere IGIL [The Main Trends in Modern Terrorism: Part Two. Regionalization of Violent Radical–Islamic Movements on the ISIL' Example]. *Indeks bezopasnosti*. Vol.20. No.4 (111): 49–58.
- Strezhneva M.V. 2014. Territorial'nyi i funktsional'nyi tipy organizatsii politicheskikh prostranstv (v razvitie integratsionnoi teorii) [Territorial and Functional Types of the Organization of Political Spaces (An Essay on Development of Integration Theory)]. *Politicheskaya nauka*. No. 2: 26–43.
- Sushentsov A.A. 2014. *Malye voyny SShA: Politicheskaya strategiya SShA v konfliktakh v Afganistane i Irake v 2000–2010–kh godakh* [The US' Small Wars: The US Political Strategy in the Conflicts in Afghanistan and Iraq in 2000–2010s]. Nauchnoe izdanie. Ed. by A.D. Bogaturov. Moscow. ZAO Izdatel'stvo «Aspekt Press». 272 p.
- Terrorism: *Patterns of Internationalization*. 2009. Ed. by J.Saikia, E.Stepanova. New Delhi. SAGE Publications India. 316 p.
- The History of Terrorism. From Antiquity to Al Qaeda*. 2007. Ed. by G.Chaliand, A.Blin. University of California Press. Berkeley and LA. 474 p.
- The Routledge History of Terrorism*. 2015. Ed. by R.Law. L., NY. Routledge. 542 p.
- Vaughan–Williams N. 2007. The Shooting of Jean Charles de Menezes: New Border Politics? *Alternatives*. Vol.32. 2007: 177–195.
- Vaughan–Williams N. 2009. *Border Politics. The Limits of Sovereign Power*. Edinburgh. Edinburgh University Press. 208 p.
- Vaughan–Williams N. 2010. The UK Border Security Continuum: Virtual Biopolitics and the Simulation of the Sovereign Ban. *Environment and Planning D: Society and Space*. Vol.28. No.6: 1071–1083.
- Veselovskii S.S. 2005. Rol' i mesto Organizatsii Ob'edinennykh Natsii v bor'be s mezhdunarodnym terrorismom [The Role and the Place of the UN in the Fight Against International Terrorism]. *Aktual'nye problemy politicheskoi teorii: sbornik nauchnykh trudov*. Iss.2. Ed. by T.A. Alekseeva. Moscow. MGIMO (U) MID Rossii: 150–175.
- Veselovskii S.S. 2007. *Mnogostoronnee sotrudnichestvo v bor'be s transnatsional'nym terrorismom* [The Multilateral Cooperation in the Fight against Transnational Terrorism]. Dissertatsiya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata politicheskikh nauk [PhD–thesis in Political Sciences]. MGIMO(U) MID Rossii. Moscow. 208 p.
- Voskresenskii A.D. 2013. Sotsial'nye poryadki i prostranstvo mirovoi politiki (istoricheskaya evolyutsiya mirovoi sistemy) [Social Orders and Space of World Politics (Historical Evolution of the World System)]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 2: 6–23.
- Waxman M.C. 2009. Police and National Security: American Local Law Enforcement and Counterterrorism After 9/11. *Journal of National Security Law & Policy*. Vol. 3. No.2: 377–407.
- Wilson D. 2007. Australian Biometrics and Global Surveillance. *International Criminal Justice Review*. Vol.17. No.3. September: 207–219.